

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ

УДК 81'42

Е.Е. БЕРЕСТЕНЬ,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Дніпро)*

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗАИЧЕСКИХ БАСЕН Г.Э. ЛЕССИНГА

В статье исследованы лингвостилистические особенности прозаических басен Г.Э. Лессинга. Сделаны выводы об основных средствах выражения стиля, языка и комизма в произведениях автора.

Ключевые слова: басня, комизм, языковые средства, аналогия, косвенная речь.

Творчество Готхольда Эфраима Лессинга богато и многогранно. Наиболее известно в отечественном и зарубежном литературоведении его драматургическое наследие. Что касается раннего творчества драматурга, стихотворных и прозаических басен, то эта часть его творчества стала предметом исследования лишь немногих литературоведов. Этот факт обуславливает актуальность предложенного исследования.

Среди них хотелось бы особенно отметить Г. Фридлиндера и его работу «Лессинг. Очерк творчества» [1]; Г.В. Стадникова «Лессинг. Литературная критика и художественное творчество» [2]; специальную статью В.Р. Гриба в книге «Избранные работы. Статьи и лекции по зарубежной литературе» (1956) [3]; главу В.П. Неустроева в «Истории зарубежной литературы XVIII в.» [4]. Все эти работы, разные по жанру и времени возникновения, внесли несомненный вклад в отечественное лессинговедение.

Монография Г. Фридлиндера «Лессинг. Очерк творчества» дает достаточно полное представление о жизни и творчестве Г.Э. Лессинга. Прежде чем приступить к анализу некоторых басен Лессинга, ученый передает основные положения его басенной теории, а также дает определение басни в понимании Лессинга. Г. Фридлиндер подчеркивает, что басня, по Лессингу, не принадлежит к области поэзии. Она является промежуточным звеном между поэзией и моралью, лежит на границе обеих этих областей, подчиняясь законам каждой из них. Моральная поучительность, утверждает Лессинг, составляет закон басни, без морали басня теряет смысл, превращается в обычный рассказ: «В отличие от других поэтических жанров, басня всегда должна быть основана на каком-либо общем моральном положении. Но свое поучение баснописец выражает не отвлеченно, а выбирает частный случай, который рассказывал бы это положение в форме доступной непосредственному живому содержанию. Для этого поэт излагает событие так, как будто бы они имели место в действительности, придавая басне форму рассказа» [1].

Оценку поэтического дарования Лессинга с точки зрения основоположника русского романтизма В.А. Жуковского анализирует в своей работе о Лессинге Г.В. Стадников. Жуковский коснулся вопроса о природе творческого дарования Лессинга в статье «О басне и баснях Крылова». Обобщая свои наблюдения в этой области, поэт дает классификацию басен,

в основе которой лежит тематический признак, где определяющим критерием становится поэтичность. Г.В. Стадников замечает, что Жуковский видит в истории басни, три главных эпохи: первую, когда басня была простым риторическим способом, примером, сравнением, вторую – когда басня «сделалась одним из действительных способов предложения моральной истины для оратора или философа нравственного», и, наконец, третью, «когда она из области красноречия перешла в область поэзии [2, с. 84]. Жуковский относит басни Лессинга к лучшим образцам второй эпохи.

По оценке В.Г. Гриба, в художественном отношении басни этого рода оставляют позади все прежние сочинения Лессинга. «В них нет прелестной наивности Эзопа, такой насмешливости и живописности басен Лафонтена. Они написаны прозой и пренебрегают обычными для басни нового времени подробностями описаний и характеристик» [3, с. 50]. Как считает исследователь, достоинство басен – в эпиграмматичной сжатости стиля, в энергической внезапности лаконичных отточенных концов, при помощи которых авторское негодование прерывает эпически спокойный рассказ. Такова внезапная концовка безобидной, на первый взгляд, басни о лисе, выманяющей у вороны сыр, который оказался отравленным, концовка, действующая как неожиданный смертельный удар меча.

В.П. Неустроев сосредотачивается на характеристике системы персонажей басни как жанра. Он утверждает, что в истории басенного жанра опыт Лессинга имел немалое значение. Анализируя басни, вошедшие в сборник «*Fabeln*» 1759, ученый отмечает, что в большинстве их используется живописный эпос («Хомяк и Муравей», «Лев и Заяц», «Орел и Охотничья Лошадь», «Соловей и Павлин»). Автор смело сталкивает различные принципы морали, противоположные линии поведения. Одни персонажи не любят сами трудиться, живут за чужой счет, другие, наоборот, трудолюбивы. Одни из них добры, самоотвержены, смелы, сильны, другие – трусливы, завистливы, лицемерны и жестоки. В.П. Неустроев приводит пример басни «Соловей и Павлин», где Соловей – воплощение подлинного служения искусству, а Павлин лишь заслуживает свои красивые перья и не может стать настоящим мастером.

Цель нашего исследования – проанализировать несколько прозаических басен Лессинга и определить основные лингвостилистические особенности этих произведений.

Главная мысль басни «Лев и Заяц» заключается в том, что Заяц уподобляет себя царю зверей; прямо переносит свойства Льва на заячий род и тем самым необыкновенно возвышает себя над псами.

Языковые средства, которые использует баснописец: конкретизирующие эпитеты: *drolliger Nase* – забавный/смешной заяц; *elender krähender Hahn* – жалкий кукарекающий петух составляют прямую идейную характеристику персонажей. Это жанровый признак: в басне «пороки» – названы прямым словом.

Модальные частицы: *denn* – все-таки, *ja-ja* – да-да, *nun* – ну, *so* – так; вставные слова: *allerdings* – конечно, *durchgängig* – сплошь; синонимы: *Schauder* – дрожь, ужас, *Entsetzen* – ужас – средства, служащие экспрессивности высказываний.

Лессинг отказывается от прямой речи и использует косвенную, что не упрощает язык басни в плане синтаксиса, а влечет за собой появление сложноподчиненных предложений с союзом *dass* – что, по А.И. Домашневу, является «косвенной речью как особого способа изображений чужой речи», который «используется в тех случаях, когда важна неязыковая форма чужого высказывания, а его содержание, заключенная в нем информация» [5, с. 104].

В качестве средства экспрессивности выступает вопрос-удивление: *Wahrhaftig? – Правда?*

Важно, что при создании басни писатель отталкивается от научных наблюдений Эмана, изложенных в работе «О поведении животных», и берет за основу реальный факт: слоны испытывают страх перед свиньями, а львы боятся петухов. Таким образом, это характеризует специфику художественного мышления писателя, требующего научно достоверной опоры.

В басне нет экспозиции, читателю неизвестно, при каких обстоятельствах Лев «удостоил» зайца своей дружбы. Толчком к возникновению конфликта могла бы послужить реплика Заяца. Под невинным любопытством персонажа скрывается попытка уличить царя

зверей во лжи, унижить его, заставит его признаться в своем несовершенстве. Но обличение не последовало, так как Лев сказал правду. Комичность ситуации заключается в том, что Заяц причисляет себя к разряду больших зверей на том основании, что он тоже имеет свои слабости – он боится собак, – трусость оправдана величием (разумеется, мнимым). Так Заяц, который пытался осмеять Льва, сам оказался предметом иронии.

Афористично сформулированная мораль в басне отсутствует, хотя можно предположить, что она присутствует в подтексте как скрытое название. Цель автора, скорее, не прямое поучение, а осмеяние таких пороков, как глупость, недалекость, завышенное самомнение. Интересно то, что иронизирует над Зайцем не персонаж – оппонент, не автор в роли третьего, невидимого персонажа, – сам Заяц попадает в комическую ситуацию посредством своей заносчивой реплики. Таким образом, как бы отпадает необходимость во втором парном персонаже – он не выполняет своей основной функции, не спорит, не высмеивает реплику оппонента. Второй персонаж присутствует формально. Комизм заложен в характере Зайца: он глуп, но сравнивает себя с великими мира сего на основании аналогии – и великим и ничтожным знакомо чувство страха. Проекция великого на малое обыгрывает их соотносительность, неабсолютный характер в глазах осмеиваемого персонажа Зайца.

Как видим, для выражения главной мысли автор использует иронию, уточняющие эпитеты, модальные частицы и слова синонимы, в басне нет экспозиции морали, ее цель – косвенное поучение и прямое осмеяние порока.

Основная идея басни «Осел и Охотничий Конь» – неудачи и промахи можно объяснить разными причинами, но главная из них – в самом человеке, в его лени, глупости, бахвальстве, высоком самомнении.

Реплики персонажей автор передает через косвенную речь, насыщает ее экспрессивными элементами: *nun, wohl, so*. **Использует гротеск: Осел наступил на колючку несколько месяцев назад, но нога все еще болит, причем это выяснилось именно после поражения; проповедник уже восемь дней страдает от хрипоты (за это время ее можно было бы уже вылечить).**

Особенности синтаксиса: смысловой и архитектурный параллелизм реплик-ситуаций; сложноподчиненное предложение *ich trat mir vor einigen Monaten einen Dorn in den Fuß, und der schmerzt mich noch* – Я наступил несколько месяцев назад на колючку, и нога еще болит. Вставное предложение: *...wie Sie hören – ... как Вы слышите, развернутое сравнение: als man Sie von dem glücklichen Nachahmer erwartet hätte* – какую бы Вы ожидали от счастливого последователя.

Фразеологический оборот: *...mit einem Jagdpferde um die Wette zu laufen* – бежать с Охотничьим Конем наперегонки.

Басня состоит из двух частей. Первая часть – аллегорический рассказ с завязкой – Осел просчитался (*vermaß sich*): **побежал с Охотничьим Конем наперегонки; кульминацией-развязкой: эксперимент был жалок и эпилогом – Осел осмеян.**

Как в предыдущей басне, персонаж оппонент (Конь) не вступает в конфликт с Ослом. Лессинг не наделил Коня даже репликой (прием умолчания об очевидном), так как абсурдность действий Осла обнаруживается уже в первой строчке: *Ein Esel vermaß sich* – Осел просчитался. Как и в ранее рассмотренной нами басне, комизм заключается в характере персонажа: причину своего поражения он видит во внешних препятствиях – в том, что несколько месяцев назад наступил на колючку. Здесь повествователь высмеивает глупость, нежелание увидеть причину поражения в самом себе.

Вторая часть не является собственно моралью, она связана с первой только общей идеей. Писатель использует прием аналогии и проводит параллель между глупым Ослом и проповедником Лидерхольдом, который объясняет свою неудавшуюся проповедь хрипотой. Комизм возникает на основе абсурда, нарушения логической связи: колючка не может быть причиной того, что Осел скачет медленнее, чем лошадь, а хрипота не является причиной отсутствия таланта и риторических навыков у проповедника. Как видим, первая часть басни – аллегорический рассказ, служит для иллюстрации пороков человеческого общества.

Так, басня призвана высмеять пороки людей. Для этого писатель использует гротеск, комизм, основанный на нарушении причинно-следственных связей, отказывается от пря-

мого морализирования, и персонажи не вступают в конфликт. Синтаксис осложнен вставным предложением, развернутым сравнением, конъюнктивом, фразеологическим оборотом.

Идея басни «Соловей и Павлин» – талант и общее признание всегда вызывают зависть и враждебность у тех, кто их не имеет. Понимание и дружбу гений может найти там, где его талант не может затмить достоинства других.

Писатель использует такие языковые средства: конкретизирующие эпитеты: *gesellige Nachtigall* – общительный Соловей, *Schöner Pfau!* – красивый Павлин. В отличие от предыдущих басен Лессинг вводит здесь прямую речь с обращением: *Schöner Pfau!* – Прекрасный Павлин! *liebliche Nachtigall* – любезный Соловей; с усиливающей частицей *so* – так, такой; сравнением: *du bist dem Auge so angenehm als ich dem Ohre* – ты так приятен глазу, как я уху. Восклицательные реплики передают эмоциональный настрой персонажей. Как в ранее проанализированных баснях, персонажи не вступают в конфликт между собой. Они оказались друзьями по несчастью: гонимые завистью своего окружения, вынужденные искать друзей среди других видов птиц. Баснописец прибегает к приему аналогии и предлагает наблюдать о том, что художник и поэт – лучшие друзья, чем два поэта, из-за их неизбежного соперничества. В басне нет поучения, нет осмеяния людских пороков, она иллюстрирует распространенное в человеческом обществе явление – зависть толпы к более умному, талантливому, преуспевающему, его обреченность на одиночество. Это иллюстрация нравов, меткое, саркастичное наблюдение над человеческой природой и обывательской психологией.

Лингвостилистический анализ прозаических басен Г.Э. Лессинга позволил сделать следующие выводы: 1) автор активно использует уточняющие и конкретизирующие эпитеты, модальные и усилительные частицы, синонимы; 2) для синтаксиса басен характерны сложноподчиненные предложения, фразеологический оборот, развернутое сравнение, вопрос-удивление; 3) к особенностям стиля относятся афоризм, приём аналогии, преувеличение, смысловой и архитектурный параллелизм; 4) характерной чертой произведения является гротеск, комизм, сарказм и даже абсурд.

Список использованных источников

1. Фридлиндер Г. Лессинг. Очерк творчества / Г. Фридлиндер. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 239 с.
2. Стадников В.Г. Лессинг. Литературная критика и художественное творчество / В.Г. Стадников. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 100 с.
3. Гриб В.Р. Лессинг / В.Р. Гриб // Избранные работы. Статьи и лекции по зарубежной литературе. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – С. 15–150.
4. Неустроев В.П. Готхольд Эфраим Лессинг / В.П. Неустроев // История зарубежной литературы XVIII в. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 306–322.
5. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста / А.И. Домашнев. – М.: Просвещение, 1989. – 205 с.

References

1. Fridlender, G. *Lessing. Ocherk Tvorchestva* [Lessing. A sketch of work]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1957, 239 p.
2. Stadnikov, V.G. *Lessing. Literaturnaya kritika i hudozhestvennoye tvorchestvo* [Lessing. The literary criticism and art work]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1987, 100 p.
3. Grib, V.P. *Lessing* [Lessing]. *Izbranniye raboty. Statyi i leksii po zarubezhnoy literature* [The selected works. Articles and lectures under the foreign literature]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1956, pp. 15-150.
4. Neustroyev, V.P. *Gotholg Efraim Lessing* [Gotholg Efraim Lessing]. *Istoria zarubezhnoy literatury XVIII v.* [History of the foreign literature of 18th century]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1987, pp. 306-322.

5. Domashnev, A.I. *Interpretasiya hudozhestvennogo teksta* [Interpretation of the art text]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1989, 205 p.

У статті досліджені стали лінгвостилістичні особливості прозових байок Г.Е. Лессінга. Зроблено висновки про основні засоби вираження стилю, мови та комізму у творах автора.

Ключові слова: байка, комізм, мовні засоби, аналогія, непряма мова.

The linguostylistic features of prosaic fables of Г.Э Lessing became the subject of research in this article. It is attempted to make the conclusion about the fixed assets of expression of style, language and the comic element in works of author.

Key words: fable, the comic element, language means, analogy, oblique oration.

Одержано 14.11.2017